

СТАНОВЛЕНИЕ ТОПИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Н.В.Седова

FORMATION OF THE TOPICS GROUNDS FOR SOCIAL AND LEGAL REGULATION

N.V.Sedova

Гуманитарный институт НовГУ, sed.18@mail.ru

Данное исследование посвящено возникновению топики, её развитию, становлению и применению в социально-правовом регулировании. Специальных исследований, посвященных применению топики в праве, практически нет, и задача автора — восполнить этот существенный пробел.

Ключевые слова: *топика, риторика, право, убеждение, социально-правовое регулирование*

This research is devoted to the origin of the topics, its formation and development as well as its use in a social and legal regulation. There are almost no special studies on the topics use in the law, so the task of the author is to fill this considerable gap.

Keyword: *topics, rhetoric, law, persuasion, social and legal regulation*

Исторически возникновение, становление топики неразрывно связано с такой наукой, как риторика. Понимание риторики как науки об убеждении с помощью речи возникает в античной традиции, берущей начало от Исократа, Гермагора, Аристона, Аполлодора. Тогда же появляется и понятие об общих местах, которые понимались как система определенных категорий. У риториков античности эти категории основывались на ценностях аудитории различных типов. Топика понималась как техника порождения мыслей для разрешения возникающей проблемы. Топосы представляли собой перечень различных подходов к решению проблемы, главная же цель оратора — определить, с помощью каких из этих приемов можно наиболее быстро решить данную проблему и обосновать выбранные подходы.

Аристотель был первым ученым, кто обратил особое внимание на топику и понял её немаловажное значение, в том числе и в праве. Знаменитое произведение Аристотеля «Топика» — одно из шести его произведений, обобщенных позднее в Органон. Задачу топики сам Аристотель определяет следующим образом: «найти способ, при помощи которого мы в состоянии будем из правдоподобного делать заключения о всякой предлагаемой проблеме и не впадать в противоречие, когда мы сами отстаиваем какое-нибудь положение» [1, с. 349]. Знаменательно, что в определении философ особо подчеркивает отличительные особенности топического подхода: а) топика — это способ исследования любой проблемы; б) этот способ исследования проистекает из правдоподобных (а не из истинных!) посылок. Таким образом, Аристотель сразу подчеркивает, что речь здесь идет лишь о диалектических выводах, а не о аподиктических. В «Топике» выделяются следующие виды умозаключений: 1) аподиктическое умозаключение, которое представлено там, где вывод сделан из истинных и первых предложений, или из таких, чье осознание,

понимание происходит из истинных и первых предложений; 2) диалектическое, которое образуется из вероятных положений, и вывод которого выведен из общепринятого мнения; 3) эристическое (создаваемое в целях спора), которое основывается на только кажущихся, а не фактических, общепринятых предложениях, в действительности не заслуживающих доверия, или из посылок, заслуживающих доверия, но с выводом мнимым, из них не вытекающим; 4) наконец, есть ошибочные умозаключения, базирующиеся на своеобразных предложениях конкретных наук [1, с. 349].

«Диалектические выводы — это такие, у которых предпосылками являются авторитетные правдоподобные мнения, которые могут рассчитывать на одобрение (греч. ἔνδοξα)» [2, с. 20]. Но ἔνδοξα — это такие предложения, говорит Аристотель, «которые кажутся всем или большинству, или мудрецам весьма правдивыми, и также от мудрецов снова либо всем, либо большинству, либо самым знакомым или самым авторитетным» [1, с. 349]. Главное отличие топосов в этом и состоит, что они согласуются с общепринятым и кажутся правдоподобными.

Предмет топики Стагирит видит в выводах из предпосылок, которые кажутся истинными согласно авторитетному мнению. Иначе говоря, топы можно определить и как «посылки, одинаково общие всем предметам».

Древнегреческий философ и далее подчеркивает, что топика — это «способ исследования», суть которого состоит в том, чтобы определить, «относительно скольких и каких предметов приводятся доводы, из чего они составляются и как мы все это находим» [1, с. 352]. Необходима же топика потому, что во всех случаях, «когда возможно сомнение в правильности той или другой стороны, нам легче будет замечать в каждом отдельном случае истинное и ложное» [1, с. 352]. Итак, топика — это учение о нахождении аргументов по любому вопросу.

В «Топике» указывается, что «то, из чего составляются доводы, одинаково по числу и совпадают с тем, о чем строятся умозаключения. Ведь доводы получаются из положений, а то, относительно чего строятся умозаключения, — это проблемы. Но всякое положение и всякая проблема указывает или на собственное, или на род, или на приводящее, видовое же отличие как относящееся к роду, нужно ставить вместе с родом» [1, с. 357], — то есть, общие места — это база доказательств. Таким образом, Аристотель в своем труде представил проблемно-ориентированный каталог топосов.

Дальнейшее развитие теория общих мест получила в «Топике» Цицерона, который пересмотрел и упростил каталог, данный Аристотелем. Рассчитанная, в отличие от трактата Аристотеля, на практическое использование, «Топика» Цицерона является сборником рецептов, направленных на то, чтобы помочь найти аргументы рациональным способом — «не плутая, но путем науки» [3, с. 57].

Важное для Аристотеля различие между аподиктическим и диалектическим исчезает у Цицерона. Цицерон исходит из того, что топика — это «учение об изобретении аргументов». Он утверждает, что всякая теория аргументации состоит из двух частей — одна связана с изобретением аргументов (топика), а другая — с вынесением суждения по какому-либо вопросу (диалектика). Цицерон пишет: «Каждая основательная теория доклада имеет две части: первая описывает изобретение, другая — формирование суждения» [3, с. 6]. Аристотель изучал обе части. Стоики занимались только второй — «диалектикой». Цицерон уделяет особое внимание только первой — топике, объясняя свой интерес к ней тем, что «спрятанные вещи легко обнаружить, если место их указано и обозначено; подобно этому, когда мы хотим сыскать аргументы, мы должны знать их «места» (этим словом Аристотель назвал как бы хранилища, откуда извлекаются аргументы)» [3, с. 6]. Аргумент же, по мнению Цицерона, это «рассуждение, которое вещь сомнительную делает достоверной» [3, с. 6].

Цицерон разделил топы по другому, отличному от Аристотеля, критерию — отношению к делу, а не категории построения умозаключения, и сразу предлагает полный каталог топосов для пользования.

По этому поводу выдающийся немецкий ученый Т.Фивег писал, что «Аристотель в своей Топике разрабатывает теорию диалектики как искусство переговоров, причем он предлагает свободно собранный каталог топосов, пригодный для практики. Под топикой Цицерон понимает практику аргументации, владеющую каталогом топосов, который он представляет довольно схематично. Пока для Аристотеля речь идет в первую очередь о создании теории, то у Цицерона — о применении готового каталога топосов. По существу, того занимают причины, этого — результаты» [2, с. 28].

В средние века стал господствовать рационалистический метод, где топике не отводилось должного места. И только в XVI веке было обращено заслуженное внимание на топик Джамбаттистой Вико, профессором красноречия, опубликовавшим в Не-

аполе в 1708 году диссертацию: «De nostri temporis studiorum ratione» (в переводе с итальянского «О современном научном методе»), где он рассматривает картезианский научный метод применительно к наукам об обществе и морали.

Дж.Вико в своем труде обозначает и исследует отличительные, противоположные особенности двух методов: топического и картезианского. Итальянский ученый рассматривает противоположности между старым и новым способом учения с точки зрения как достоинств, так и недостатков.

Акцент в этом труде делается на *scientiarum instrumenta*, т.е. на научные методы. Вико называет старые методы риторическими (топическими), а новые — критическими (картезианскими). Первые, сохранные и донесенные нам, прежде всего, Цицероном, берут начало в античности, вторые являются так называемым картезианством, т.е. тем рационалистическим способом мышления, за который ратовал Декарт. Вико характеризует новый метод (критический, картезианский) следующим образом: в этом методе исходный пункт — *primum verum*, высшая, абсолютная истина, которая не может быть поколеблена никакими сомнениями, это данность, которую нельзя оспорить. Картезианский метод представляет собой путь научного познания, в основе которого лежит принцип однородности мира, отстроенного Богом в виде некоторого гармоничного математически правильного механизма. Дальнейшее исследование данного метода осуществляется с помощью приемов, используемых в появившейся первой доказуемой науке — геометрии, т.е. с помощью длинных цепочечных выводов. Вико же видит мир разносторонним, гетерогенным, реальность для него не четкая математическая схема, а нечто большее. Свое понимание природы математического знания Вико сформулировал так: «Мы доказываем (истину) о геометрических вещах, потому что мы их делаем» [4, с. 156]. Это была первоначальная форма знаменитого принципа *verum et factum convertuntur* (истинное и сделанное совпадают). Вико доказывает, что аналитический метод математики, который Декарт рекомендует к применению во всех науках, за ее пределами неэффективен и не годится даже в физике. Математика имеет дело с фиктивными объектами, а физика — с «реальными вещами» за пределами нашего сознания. Дедукция из принятых предпосылок, игнорирующая опыт, ничем не лучше схоластического силлогизма. Но Вико, как видно, полагает, что в этой области методологические принципы уже выяснены, и он обращает свое внимание на науку, связанную с любой человеческой деятельностью.

Вико указывает на важное различие между истиной, которая достижима в математике, и простым «правдоподобием», с которым мы сталкиваемся повседневно на практике: «...имея истину, мы из нее дедуцируем выводы относительно физических вопросов; напротив, правдоподобные утверждения суть симптомы и суждения, полученные в результате долгого наблюдения» [4, с. 101]. Этому различию соответствует и различие между наукой и практическим «благоразумием»: «Наука рассматривает вечные ис-

тины, которые независимы от человеческого духа: таков Платон. Благоразумие стремится раскрыть те частные истины, которые в любой момент могут стать ложными: таков Тацит» [4, с. 165]. Иначе говоря, здесь речь идет о различии между абсолютной и относительной истиной.

Кроме того, считает Вико, логическая отчетливость картезианского метода не оставляет права на существование всему многообразию оттенков относительной правдоподобности между истинностью и ложностью. А именно такие зыбкие отношения чаще всего и встречаются в областях, связанных с человеком — в истории, филологии, праве, искусстве и т.д. Наука в собственном смысле слова устанавливает только вечную и неизменную истину, а все преходящее, хотя бы и исключительно важное для человеческой жизни, лежит за ее пределами.

Вико приходит к выводу о том, что критерий разумности неоднозначен, что существуют различные формы или степени осуществления разума в деятельности людей, что сам разум, следовательно, историчен, способен к развитию и упадку. Это относится и к индивидуальной жизни человека и к общественной. Человек не сразу достигает способности мыслить абстракциями, так как не может обходиться без чувственных образов. Соотношение абстракций и чувственных образов в уме различно, оно зависит, в частности, от индивидуального развития конкретного человека. Что особенно важно, Вико отстаивает познавательную ценность фантазии (синоним воображения). По его мнению, фантазия тоже содержит знание, хотя и не очищенное от примесей.

Вико считает невозможным вместе с всепоглощающим интересом к естественным наукам пренебрегать законами человеческого поведения, страстями, их преломлением в гражданской, частной жизни, признаками пороков и добродетелей, характерными свойствами разных возрастов, половых различий. Поэтому старый метод (топический) исходным пунктом имеет *sensus communis* (здравый смысл, относительная истина), который основывается на вероятном (*verisimilia*) и который далее в соответствии с риторическими топосами изменяет углы зрения и работает с набором силлогизмов.

Сравнивая два метода, Вико видит преимущество нового (картезианского) метода (Т.Фивег его называл системно-ориентированным) в точности и остроте (если *primum verum* является *verum*); однако его недостатки перевешивают это преимущество, а именно: данный метод не привлекает к анализу правовых проблем человеческую рассудительность, воображение, память, языковую выразительность, зрелость суждения — все то, что является собственно человеческим компонентом. Таким образом, отмечая ясность и отчетливость метода Декарта, Вико говорит о том, что уплаченная за это цена — абстрактность. Он пишет: «Мы в состоянии доказать геометрические положения постольку, поскольку они нами созданы; когда бы то было возможно и с физическими, тогда с таким же правом мы были бы в состоянии творить *ex nihilo* (из ничего)» [4, с. 167].

Но всё это препятствует, по Вико, старому риторическому методу, и в особенности её ядру, риторической топике. Топический метод позволяет использовать человеческую мудрость во всем её многообразии, тренирует фантазию и память, обучает рассмотрению объекта с разных сторон. Вико пишет: «Только старый риторический метод, и в частности его центральная часть — риторическая топика — учит рассматривать дело в разных перспективах, т.е. находить разные точки зрения — *toroi*, а ведь без этого невозможно установление справедливости и решение правовых проблем» [4, с. 167].

Все эти мысли противоречили научным воззрениям той эпохи и поэтому, как следствие, труды Вико в большинстве своем не находили признания. Тем не менее его взгляды во многом перекликаются с современными идеями о гуманизации образования, науки, социальной жизни.

Долгое время топика оставалась невостребованной, и только в XX веке появляются первые специальные работы именно по юридической риторике. Современными исследователями, такими как Теодор Фивег (Германия), Хайм Перельман (Бельгия), Николай Хартманн (Германия), Джулиус Стоун (Великобритания), Коул Дурэм (США), Ричард А. Познер (США), было взято на вооружение именно античное представление о топике как искусстве проблемного мышления. Но всё же основной труд, посвященный именно топике во всем её многообразии, практическому применению топике к юриспруденции, создал Теодор Фивег. Это произведение получило название «Топика и юриспруденция». Т.Фивег подробно исследовал риторические сочинения от античности до нашего времени и на основании произведенного анализа он выдвинул тезис о том, что в современном мире метод (а точнее, искусство — *techne*) нахождения мыслей по топам, который разработала именно риторика, является наиболее подходящим для производства аргументов. Ученый так сформулировал свое понимание топике: «Топика — это способ проблемно-ориентированного мышления, который был развит риторикой. Она представляет собой умственную работу, в корне отличающуюся на каждом уровне от той, которая существует при дедуктивной системе» [5, с. 78]. Фивег считает, что общие места (топы) — это умственные ориентиры в топографии аргументации. Однако в этом качестве они выступают не только как подсказка о том, какие аргументы необходимо задействовать в речи, но и, на более глубоком уровне, как исходные точки для созидательного процесса при решении проблем.

Главное достоинство топического метода автор и его многочисленные сторонники видят в том, что этот метод находится в самом центре основополагающего принципа правосудия: для того, чтобы суд был справедливым, необходимо выслушать каждую сторону и принять во внимание все возможные точки зрения, а это и есть рассмотреть все относящиеся к делу топы (*топой*). Исследования Фивега вызвали волну споров в научных кругах и именно благодаря этим исследованиям начали говорить о топической риторике.

Топика может служить орудием разрешения противоречий внутри единой системы права, возникающих с течением времени, ибо топы как общие места культуры — это представления о должном и недолжном, добром и злом, вредном или полезном, прекрасном и безобразном, справедливом и несправедливом — помогают нам «приладить» застывшие тексты права к социальной действительности. Аргументации, содержащиеся в судебных решениях конституционных судов многих стран, все чаще стали руководствоваться социальными факторами, моральными нормами, политическими теориями, общественными интересами. Они стали иметь силу юридических аргументов. Обращение чисто к букве закона уже не позволяет разрешить юридические конфликты, которые ставит перед нами быстро меняющаяся жизнь. Юристы постепенно возвращаются к проблемно-ориентированной, топической модели мышления.

Топический анализ позволяет исследовать мыслительные операции, которые предшествуют началу речевой деятельности. Безусловно, топика не может дать ответов на все вопросы, возникающие в связи с изучением правового мышления, и не является единственным подходом к его изучению, но ее вполне можно считать одной из первых теорий в этой области.

Таким образом, анализ становления топических основ социально-правового регулирования позволил выделить четыре исторические вехи их развития:

1. Аристотель является родоначальником и основным теоретиком топического подхода к проблеме, обращает особое внимание на четкое разделение суждений на диалектические и аналитические. Это отличие заключается в сути высказываний: диалектические ориентируются на истину, а аналитические — на мнение большинства, что позволяет, в первую очередь, разрабатывать теоретические основы топического подхода для решения как научных, так и социально-правовых проблем.

2. В Цицероновской риторике топы рассматриваются как система инвентивно-аргументативных способов, которые используются для изобретения доводов и для поиска идей, данный подход ориентирован на практическое применение топов в основном в юридической практике, и способствует развитию современной теории и практики аргументации (учение о нахождении аргументов и их обосновании).

3. Вико пытается примирить топический и картезианский метод и приходит к пониманию, что новый метод необходимо предварять топическим, чтобы рассматривать проблему всесторонне, не упуская ни одной мелочи во имя установления истины; это послужило возникновению не только общей теории герменевтики, но и способствовало развитию теории и практики интерпретации правовых текстов как учения о нахождении видов интерпретации и разрешении антиномий между ними, учету внелингвистических, социокультурных факторов, что является необходимым условием как герменевтического метода, так и топической теории аргументации.

4. Т.Фивег раскритиковал дедуктивно-системный подход к решению проблем, господствующий в XIX—XX столетиях, так как он уводит от решения проблем, прежде всего, социально-правового характера. Говоря о топике, ядром которой является выявление топоса, Т.Фивег в свою очередь назвал ее методологией проблемно-ориентированного мышления. «Данный метод позволяет учесть и общие положения, и конкретную ситуацию, и видение этой ситуации, поэтому он может помочь заполнить пробел между теорией и практикой» [6, с. 335], благодаря чему топическая юриспруденция заявляет о себе как полноправная концепция философии права.

Вполне можно согласиться с К.Дурэм, что топика позволяет открыть новые возможности, без повреждения старых, рассматривая старые ответы с новых точек зрения, и позволяет дать старым ответам новый поворот [7, с. 30]. В результате применения топического подхода образуется некая система, где каждая ячейка граничит с другими и, таким образом, вещь и иное «подтверждают» друг друга, появляется возможность при рассмотрении проблемы избежать ложных шагов на пути её решения, направить исследование в социально-гуманитарных науках по верному пути, достичь наибольшей степени вероятности; а это, несомненно, помогает расширить горизонты понимания того, как живет и функционирует право, как юристы выстраивают нить рассуждения, как взаимодействуют между собой право и другие социальные нормы, как взаимно влияют друг на друга язык и право, политика и право, философия и право.

1. Аристотель. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т 2. Топика. М.: Наука, 1978. С. 349-351.
2. Viehweg Theodor. Topik und Jurisprudenz: ein Beitrag zur rechtswissenschaftlichen Grundlagenforschung. München: Beck, 1965. 75 s.
3. Цицерон Марк Туллий. Эстетика: трактаты, речи, письма. / Пер. А.Е.Кузнецова. М., 1994. 542 с.
4. Vico G. Le Orazioni inaugurali, II de Italarum Sa-pientia e le Polemiche. Bari, 1968. 325 p.
5. Соболева А.К. Теодор Фивег и его книга «Топика и юриспруденция: к вопросу об основном методе исследований в праве» // Риторика. 1997. № 4. С. 77-94.
6. Stone Julius. Legal System and Lawyers Reasoning. Ch. 8 «Reasons and Reasoning in Judicial and Juristic Argument». London, 1964, pp. 325-332.
7. Durham Cole W. Jr. Foreword to: Vieweg, Theodor. Topics and Law: a contribution to basic research in law. Frankfurt am Mein; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1993. 176 s.

References

1. Aristotle. Topika [Topics]. Complete works in 4 vols. Vol. 2. Moscow, "Nauka" Publ., 1978, pp. 349-351.
2. Viehweg Theodor. Topik und Jurisprudenz: ein Beitrag zur rechtswissenschaftlichen Grundlagenforschung. München: Beck, 1965. 75 s.
3. Marcus Tullius Cicero. Estetika: traktaty, rechi, pis'ma [Esthetics: tractates, speeches, letters]. Moscow, 1994. 542 p.
4. Vico G. Le Orazioni inaugurali, II de Italarum Sa-pientia e le Polemiche. Bari, 1968. 325 p.
5. Soboleva A.K. Teodor Fiveg i ego kniga «Topika i iurisprudentsiia: k voprosu ob osnovnom metode issledovaniia v prave» [Theodor Viehweg and his book "Topics and Law: a

- contribution to basic research in law”]. Ritorika, 1997, no. 4, pp. 77-94.
6. Stone Julius. Legal System and Lawyers Reasoning. Ch. 8 «Reasons and Reasoning in Judicial and Juristic Argument». London, 1964, pp. 325-332.
7. Durham Cole W. Jr. Foreword to: Vieweg, Theodor. Topics and Law: a contribution to basic research in law. Frankfurt am Mein; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1993. 176 s.